

ОДНАЖДЫ некий музыкальный критик остроумно заметил, что каждая значительная веха в творчестве — это сумма знаков препинания: точка (итог), восклицательный знак (восторженная оценка), вопросительный (планы и перспективы), многоточие (надежды и ожидания). Пожалуй, это справедливо, а главное, отлично отражает ту стандартную схему, по которой, ничтоже сумняшеся, пишутся юбилейные статьи. Очень трудно не скатиться на удобные рельсы вышеназванной схемы, потому что сказать новое, неистертое слово о Зурабе Анджапаридзе практически почти невозможно. Пресса всегда была внимательна и щедра к нему, а недавняя статья прославленной Ирины Архиповой в «Советской культуре» под емким названием «Певец и время», кажется, совсем безжалостно исчерпала тему — так многомерно, объемно, профессионально «клизможен» в ней Зураб Анджапаридзе — певец, актер, человек.

Поэту заново в статичном перечислении излагать факты и события, которыми насыщена творческая биография Анджапаридзе, — занятие беспредметное.

Итак, народному артисту СССР Зурабу Анджапаридзе исполнилось 50 лет. Что же дает нам право называть пятидесятилетний день его рождения юбилеем и что заставляет множество людей обращать к нему в этот день благодарные сердца? Думается, что это прежде всего подлинность таланта, первозданная, бесспорная его настоящность.

Тенгиз Мушкудiani, народный артист Грузинской ССР: «На сцене он органичен во всем, естественность и непринужденность равно отличают и его пение, и сценическое поведение. Конечно, только полная свобода в управлении звуком давала ему возможность так вольно и полнокровно жить в образе».

Голос Анджапаридзе уже в самом начале певческой

ему возможность самовыражаться так упоенно и самозабыто, как это могут только очень большие артисты». Да, все творчество Зураба Анджапаридзе доказывает, что мастерство всегда являлось для него понятием не техническим, а художественным — верным средством достичь необходимого эстетического воздействия.

Художественные намерения

ла воздействия его искусства на аудиторию — оно обращено к слушателю общечеловеческими гранями.

Нельзя забыть интонацию потрясенного Абесаломы в 3-м акте оперы, когда, отвечая торжествующему Мурману, измученный царевич произносит одно слово: «Ты!» В устах Анджапаридзе в этом крике-шепоте сливались боль, недоумение, отчаяние, мука

Пронзительный лиризм и чистота Абесаломы, сила и благородство Радамеса, трагическая смятенность и высокая духовность Миндия, незащищенность испугленного чувства Хозе и, наконец, психологическая полифоничность образа Германа были так достоверны, что заставляли совершенно забыть о том, что это есть конечный продукт трудного творческого

разным — даже в одной и той же роли. Совершенно забываемы для меня сцена судилища из «Лиды» и последний акт «Кармен». Зураб Анджапаридзе — великолепный партнер. И особо я хочу сказать о том, что я никогда не слышала от него восторгов по поводу собственного пения — он хорошо знает, что в искусстве нет предела совершенствованию».

ность, что он станет выдающимся певцом. Как видите, его пророчество сбылось».

Зураб Анджапаридзе: «Вы спрашиваете, что сделало меня певцом! Глубокая вера в педагога. Я верил Давиду Ясоновичу Андгуладзе безгранично — и в дни побед, и в дни поражений. Я храню верность его принципам по сей день. Он верил в дело, которым занимался, он любил человеческий голос. Сейчас много говорят о кризисе оперы, о вырождении жанра. Пока человек существует, он поет. Опера есть высшая форма проявления этой постоянной, neodолжимой, прекрасной человеческой потребности. Жанр может метастазировать, видоизменяться — умереть он просто не может, пока существует человеческое. Мы должны работать, знать, уметь больше, чтобы обеспечить этому жанру здоровую, полнокровную жизнь».

Зураб Анджапаридзе десять лет возглавлял теноровую группу лучшего оперного театра страны — Большого театра Союза ССР. Не просто возглавлял — являл пример. Певец был членом жюри вокалистов закончившегося на днях Международного конкурса музыкантов — исполнителей имени П. И. Чайковского. Он так никогда и не произнес клятвы Гиппократу, он не стал врачом, как собирался. Думаю, что недовольных по этому поводу нет. Потому что он стал певцом. Тем, чей пятидесятилетний день рождения стал праздником для всех, кто верит в то, что опера будет жить вечно.

Ламара ГОГЛИЧИДЗЕ.

ПОДЛИННОСТЬ ТАЛАНТА

карьеры был прекрасно вышколен. Слово это точнейшим образом отражает тот момент, когда выучка, тренаж, определенные принципы голосообразования, составляющие понятие «школы», делаются высшим качеством голоса. Давид Андгуладзе воспитал благодарно-подающую природу своего одаренного ученика в лучших профессиональных традициях грузинской теноровой школы — полнозвучные нижних нот, блеск и полнота крайних верхов, слаженность регистров, мобильность голоса давали возможность легко брать любые тенитурные барьеры и не робеть перед широтой кантлены, требующей точного управления дыханием.

Натела Тугуши, народная артистка Грузинской ССР: «И все же он никогда не был одержим только звуком, он не стал «звучистом». Просто голос и техника давали

четко реализовывались еще и через мощнейший компонент природного дарования — через беспредельное и неотразимое артистическое обаяние. Это качество Зураба Анджапаридзе постоянно и подчеркнуто отмечалось всеми — критикой, коллегами, публикой. Но есть в активе певца еще одно свойство, которое входит в вокальные эстетические категории высшего порядка, — обаяние интонации, отражающей все ритмы, отзвуки, всплески и движения человеческого сердца. Здесь идет речь не о тембральных красках, которые являются производными физической структуры звука, — это именно то живое, трепетное интонирование, которое передает состояние души на чрезвычайно высоком уровне доступности человеческой речи.

Думается, что именно в этом и кроется огромная си-

от внезапно обрушившегося предательства и смутное предощущение гибели. И поразительная теплота, лучистость и трепетность голоса, напоенное уже отрешенной от земли любовью, в последнем ансамбле 4-го акта: «Меж ресниц твоих нудесных сад волшебный расцветает...».

Медея Амираншвили, народная артистка СССР: «Это от естественности перевоплощения. Оно является его главным, самым удивительным качеством. Я всегда плакала, когда умирали его Малхаз и Абесалом, плакала прямо на сцене, хотя мне и в партии Маро, и в партии Этери предстояло после этого петь сложнейшие вокальные куски. Я была влюблена в него, я его любила, а он погибал, и я не могла сдержать слез. Гипноз этот был так могуч, что еще нескорее после спектакля я могла воспринимать его как Зураба».

процесса, где мысль, чувство, мастерство являются равными соавторами.

Тенгиз Мушкудiani, народный артист Грузинской ССР: «Он всегда удивляет меня способностью тончайшим образом чувствовать колорит. В грузинских операх он грузин, в европейских — европеец. Всегда казалось, что все дается ему очень легко, на самом деле же он очень много работал — стоит только вспомнить, сколько записей он сделал».

Лейла Гоциридзе, народная артистка Грузинской ССР: «Он очень творческий человек. Каждый его спектакль непохож на предыдущий. Выступая с ним, я каждый раз с удивлением и радостью находила в себе новые, абсолютно неожиданные состояния — они были вызваны его сценическим поведением, таким живым, искренним, продуманным и все же всегда